

Дмитрий Стрешнев

**Немного великолепия,
одолженного у Богов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д53

Д53 **Дмитрий Стрешнев**
Немного великолепия, одолженного у Богов / Дмитрий Стрешнев – М.: Lennex
Согр, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 318 с.

ISBN 978-5-458-22956-2

Трогательная и смешная история о нищем египтологе, который в качестве гида–переводчика сопровождает трех богатых туристов, увлекающихся эзотерикой, в поездке по древним памятникам Египта. Постепенно он начинает понимать, что на самом деле целью поездки является зомбирование одной из туристок — весьма состоятельной дамы — двумя другими спутниками. Испытывая симпатию к богатой даме, гид решает помочь ей спастись от влияния опасных приятелей. Но он видит лишь только один путь к этому: убедить своих клиентов, что он избранник высших сил Египта. Начав мистифицировать своих клиентов, он вдруг убеждается, что это у него получается весьма неплохо.

ISBN 978-5-458-22956-2

© Lennex Corp, 2013
© Дмитрий Стрешнев, 2013

Дмитрий Стрешнев

**НЕМНОГО ВЕЛИКОЛЕПИЯ,
ОДОЛЖЕННОГО У БОГОВ**

**Москва
2011**

Стрешнев Д.

Немного великолепия, одолженного у Богов/ Дмитрий Стрешнев —
М.: Книга по Требованию, 2011. — с. 318

ISBN 978-5-458-22956-2

Трогательная и смешная история о нищем египтологе, который в качестве гида–переводчика сопровождает трех богатых туристов, увлекающихся эзотерикой, в поездке по древним памятникам Египта. Постепенно он начинает понимать, что на самом деле целью поездки является зомбирование одной из туристок — весьма состоятельной дамы — двумя другими спутниками. Испытывая симпатию к богатой даме, гид решает помочь ей спастись от влияния опасных приятелей. Но он видит лишь только один путь к этому: убедить своих клиентов, что он избранник высших сил Египта. Начав мистифицировать своих клиентов, он вдруг убеждается, что это у него получается весьма неплохо.

Компьютерная верстка: *А. А. Козлова*

Дизайн обложки: *И. Савченко*

ISBN 978-5-458-22956-2

© Дмитрий Стрешнев

© ООО «Книга по Требованию»

1.

«...Я бы посоветовал вам попробовать поместить себя в мусульманский рай. Мне кажется, там получится. Вы ведь в жизни горячительных напитков пили немного, верно?»

— Да, из-за простаты.

«Свинину, если не ошибаюсь, практически не ели?»

— Совершенно верно, с тех пор, как в аспирантуре заработал язву.

«Вот видите! В любом другом раю все это не засчитается. Между тем, интрижка с практиканткой Люсей может закрыть вам двери в христианский рай, а уничтожение гнезда ос на даче — в индуистский».

— Тогда не написать ли действительно заявление туда, куда вы советуете?

«Не нужно ничего писать. Здесь вам не Земля. Здесь все, что вы говорите, и даже то, что думаете, фиксируется сразу и навсегда».

— Скажите, а почему так много раев?

«Видите ли, иначе не получалось. В противном случае создалась бы масса проблем. Ведь у людей столько капризов! Вот и приходится подлаживаться...»

— Пойдите! Так может мне... в Ам-Дуат?

«Ну что вы! Он уже пятнадцать веков как закрыт. Устарел. К тому же туда надо являться, так сказать, подготовленным. Бальзамирование, знаете ли, и все прочее...»

— Значит, Ульянов-Ленин, например, в отличие от меня, мог бы претендовать на Ам-Дуат?

«Он, кажется, и просился».

— Он же атеист!

«Помилуйте! Коммунизм — такая же религия, как и все остальные верования. Тут и заповеди, и символ веры, и пророки, учение которых неизменно, и после которых новых быть не может... Только рая своего у коммунистов нет, поэтому их распределяют... Кстати, вы могли бы сами об этом догадаться, исходя из того факта, что вам предложили выбор».

— Так куда же все-таки Ильич попал?

«Не помню точно. Кажется, к суфиям. Они по пассионарности к коммунистам всего ближе. Но у них там скучновато, скажу я вам. Слишком заумно. Не советую... Ну что, будем проситься к мусульманам?..»

Иван Сергеевич открыл глаза и лежал, разглядывая царапину на потолке, сделанную в прошлом году лыжей. Почему лыжей? Потому что лыжи хранились тут же, в комнате, за шкафом, как в нормальной московской квартире. Здесь же, в комнате, хранились банки с запасом круп и нераспроданный тираж брошюры «От рассказней жрецов — к мифам поповщины», выпущенной Иваном Сергеевичем незадолго до дефолта при поддержке некоего банка, о горькой судьбе которого не хотелось даже вспоминать.

Все это (и еще много чего — слишком много для таких скромных квадратных метров) хранилось в несчастной комнате, где сейчас лежал Иван Сергеевич. Потому что другой комнатой безраздельно владела дочь Настя (должна, в конце концов, быть своя комната у 23-летней девушки или нет?). Третьей комнаты не было, третья в этом городе встречается не так часто, как хотелось бы.

Иван Сергеевич продолжал разглядывать ландшафт с царапиной на потолке. Ну, точно, если прищуриться — получается иероглиф «кобра», обозначающий звук «дж»... О, черт, черт!

Начитался! Наконспектировался! Две недели ковырялся в гробницах, амулетах, заклинаниях, словно чокнутый внучок бабушки Блаватской! Ради чего, собственно?.. Да уж, понятно, ради чего. А вот ради кого — предстоит увидеть сегодня через четыре часа. Значит, уже пора зубы чистить.

Как же порой тяжело бывает вылезти из постели в это противоречивое время года, когда весна борется с зимой! Но начинаешь думать о делах — и сон уходит.

«Вот так идея движет телом», — подумал Иван Сергеевич. Но тут же поправил себя, уже высунув ногу из-под одеяла: «И все равно мир есть порождение материи!»

За закрытой кухонной дверью томились традиционные звуки делового утра. Разглядывая в зеркале в ванной свое помятое о подушку лицо, Иван Сергеевич услышал, как радио сказало:

— В Москве восемь часов.

«И кого это радует?» — подумал Иван Сергеевич.

В кухне Людмила (жена) встретила его с состраданием и пониманием:

— Мог бы еще полчасика поспать. Ты в котором часу вчера лег?

— Это было уже сегодня.

— Ну и придумал себе развлечение! Ведь не мальчик уже.

— Из-за денег, дорогая, люди на преступления идут, а мне всего лишь пришлось пару раз ночами бодрствовать. Правда, когда засну — еще хуже: сны снятся идиотские!

— Насколько помню, тебе других никогда не снилось.

— Таких дурацких давно не видел... Собственно, других и быть не может, коли связался с этой публикой.

— Я уже забыла: как ты эту публику называешь?.. Что тебе, кстати, на завтрак?

— Эзотерики. Вермишель с мясом.

— При твоей любви к вермишели нужно зарядкой заниматься. Расползаешься как Пангея в палеозой. Вон бока какие.

— Какие еще бока! У меня брюки спадают!

— Спадают, потому что нет талии. Природа создала талию, чтобы штаны не спадали, а у тебя ее уже нет... Повтори еще раз: эзо... какие?

Иван Сергеевич вздохнул, держать во рту это слово было для него неприятно.

— У вас на геологическом такого не преподавали. Эзотерики.

— Никогда не слышала.

Иван Сергеевич хмыкнул.

— Интересный аргумент! Ты же ничего не слышала, например, о газете «Супер-пупер», а она, тем не менее, существует.

— Ты мне объясни еще раз, я уже забыла. Кто это такие?

— Эзотеризм, дорогая, — собирательное понятие для мистических учений. Это когда все так непонятно, так запутано, что никому никакого прока нет. Занимаются им пресыщенные люди, увлекающиеся модной чепухой. Вот она, кстати, эта чепуха, нарисована у тебя на чашке.

На чашке сверкали золотом египетские боги и значочки-иероглифы; чашку Иван Сергеевич привез из предыдущей поездки, и жена ее очень любила.

— И что — думаешь: совсем ничего такого... эзо... не существует?

— Формальная логика, милая! Если высшая сила, как бобик, подчиняется любому придурку, выучившему заклинание, то какая же она высшая сила!

— Мне кажется, ты мыслишь упрощенно.

— Я мыслю прагматично... А если высшая сила существует, то с ней хрен сладишь, остается только покориться. Значит — обратно магия не нужна, а те, кто ей увлекается — бездельники или дураки. Вроде моих нынешних клиентов.

— Что это ты их так сразу?

— Потому что дурни богатые.

— Разве только богатые увлекаются? Мне, например, тоже интересно.

— Извини, я забыл, что женщины склонны к мистицизму больше, чем мужчины.

— Ну конечно! Мы по всем статьям хуже!

— В данном случае я не виноват. А доказательство истинности моих слов простое. Ислам, например, считает, что у женщины души нет, значит, никакого рая мусульманкам не положено. А они все равно верят, хотя смысла для них в этом нет.

— Все равно красиво! — вздохнула жена, разглядывая чашку с богами.

— О, да! Недаром египетские иероглифы очаровали даже искушенного философа Плотина. Но это уже не изотерика, а сила художественного исполнения... или дизайна, если угодно.

— Ты своим клиентам так и будешь рассказывать?

— Ну, у меня другие задачи. Просто гид-переводчик, как обычно. Расскажу им все интересное, что знаю. Лучше пусть услышат от меня, чем от какого-нибудь идиота или дилетанта. Мои рассказы для ума полезнее... Ну, а вообще — что там эзотерики! Сейчас все, кому не лень, чушь несут! — писатели, киношники, журналисты... уж о политиках и ученых не говорю.

— А зачем твои клиенты в Египет едут?

Иван Сергеевич развеселился.

— Не знаю... Может, ищут золотые папирусы, оставленные Великим Разоблачителем Тотом-Гермесом... Вот он тоже, кстати, на чашке.

— Как интересно! А эти папирусы существуют?

— Конечно, нет.

— Надо же, какие разные бывают люди!

— Да уж, милая. Природа нас соорудила совсем разными, чтобы мы саморегулировались. И пытаться сделать всех коммунистами или буддистами — значит, опаснейшим образом пытаться нарушить экологический баланс.

— Да я не об этом, а в смысле: какие разные у людей заботы...

— Правильно! — подтвердил Иван Сергеевич, делая в воздухе утвердительный знак вилкой. — Когда все есть — в мозгу начинаются завихрения. Зачем богатым искать чего-то, ведь они и сами — господа-боги! Со скуки бесятся.

— Они-то богатые... — вздохнула жена, прозрачно намекая, что Иван Сергеевич и она тоже могли бы жить получше.

— Ну, это уж как история рассудит! Богатых без бедных не бывает... В Древнем Египте, например, если родился в семье земледельца — бальзамировщиком уже не станешь!

— Фу! — сморщилась жена. — Об этом за завтраком не надо.

— Почему? Только бальзамировщикам, между прочим, помимо жрецов, разрешалось входить в храм.

— Если бы ты в жизни был так же смышлен, как подкован в истории...

Иван Сергеевич нахмурился.

— А! Догадываюсь, что ты опять о тетке! Ну да, крутила параличная старуха глазами перед смертью. Кто же знал, что она сдуру все сокровища спрячет под фикус! Я не ибисоголовый Тот-Гермес, чтобы мысли паралитиков читать! Мне есть, о чем другом подумать!

— Да уж знаю, ты страдаешь множеством дарований, — вздохнула жена.

— Случайная прихоть истории, между прочим, — великая вещь, — вдохновясь, продолжил Иван Сергеевич. — Помнишь, как меня чуть родители не потеряли в Афганистане?

— Ну и потеряли бы — был бы теперь талибом.

— Почему талибом?

— Из-за своего дурацкого характера.

«Позвони нам и стань миллионером за одну минуту!» — предложило радио.

Иван Сергеевич дернул ртом и поспешил сменить тему разговора.

— Настя еще дрыхнет?

— Наверное, дрыхнет, только не у нас.

Иван Сергеевич на миг перестал размешивать какао.

— Не понимаю юмора.

— А его и нет. Задержалась в компании, позвонила и сказала, что останется ночевать.

— Почему ты меня не позвала к телефону? У меня бы живо домой прилетела!

— Ты сидел по уши в бальзамировщиках.

— Значит, без нее, видите ли, компания не компания! Тоже мне звезда «Шантеклера!»

— Она сказала, что у них там игра, и что у нее важная роль.

— Вот как! Что за игра? В кошки-мышки в темной комнате?

— Как ты обо всех плохо думаешь! Виртуальная игра. Они теперь занимаются виртуальным общением.

— Разве это общение! Ни выпить, ни закусить.

— Ты только смотри ей такого не брякни, она у нас девушка законопаченная, — сказала жена, протягивая Ивану Сергеевичу листок, — Вот ее роль.

И он прочитал: «Ксенопсихолог Ивга, агент внешней разведки, работающий с шундрами. Детекторам шундров оронги не доверяют, хотя им демонстрировали их действие на паразитах-полиморфах, использующих организм гуманоидов...»

Иван Сергеевич то ли хмыкнул, то ли крякнул и прекратил чтение.

— Одни игрища на уме! Ты ей скажи: пусть хотя бы пыль с

пылесоса сотрет! И вообще, в ее возрасте уже пора разумного мужика искать.

— Она говорит: я не виновата, что все мужики грубые, ничего не понимают в изящном. А те, кто понимает, — сплошные педерасты.

— Не такая уж она законопаченная, как я погляжу!

— Не ругай бедную девочку, у нее высшее образование.

— Образование высшее, но весьма среднее. Как и у всех молодых. Ты послушай их русский язык! Когда я слышу: «трахаться», мне представляется что-то связанное с трахеей... Ну, ладно, хватит расстраиваться, мне пора. Да и тебе скоро тоже.

— Смотри там, постарайся, не продешеви, у тебя куртка — хуже, чем у постового!

«Да ты сама вон ходишь в чем-то вроде горшка на голове», — подумал Иван Сергеевич.

— Постараюсь, — пообещал он.

«Дальнейшие события еще впереди», — глубокомысленно заметило ему вслед радио.

2.

Когда сидишь дома в своем районе у черта на куличках и смотришь в окно — кажется, что все сидят по домам, а когда выйдешь на улицу — оказывается, что все уже там.

На остановке собрался народ, всецело зависящий от чиновников мэрии, ведающих общественным транспортом. Началось унижительное ожидание троллейбуса. Сколько всего поменялось в жизни за последние годы, а «увы» и «почему» остались.

Зима сопротивлялась упорно, как ваххабит. Ветер сдул с крыши остановки снежную загогулину — прямо за шиворот Ивану Сергеевичу; клубы то ли дыма, то ли пара на горизонте плыли